Люттоли

Ангел по имени Ваня

Приключения проказника-ангела в Москве

Для детей и взрослых

Серия "Фэнтези от Люттоли"

Люттоли

Ангел Ваня

«Агаджанов Людвиг Ашотович»

Люттоли

Ангел Ваня / Люттоли — «Агаджанов Людвиг Ашотович»,

Митятюля, неудачливый отец семейства. Он всё время мечтает о красивой жизни для жены и детей. Однажды, к нему приходит маленький ангел по имени «Ваня». Шаг за шагом, ангел Ваня помогает Митятюле осуществить все мечты. Но ангел оказывается красивым сном. И это сон помогает ему понять, почему в его жизни всё так плохо. За один день, он сам, без посторонней помощи, воплотит свои мечты в жизнь.

© Люттоли
© Агаджанов Людвиг Ашотович

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Луи Бриньон
Ангел Ваня

Глава 1

Онаил Митятюля, человек небольшого роста, худощавый с необычно приподнятым лбом и густой шевелюрой, с ярко выраженным удовольствием вслушивается в собственные слова.

– Главный редактор Московского международного книжного издательства! Чёрт, звучит неплохо…

Стоя на кухне, одетый в фартук и держа в руках половник, Митятюля раз за разом громко повторяет эти слова.

Он провёл последние 20 лет, работая в должности корректора. И чуть ли не все эти годы, Митятюля мечтает о должности главного редактора. Высокая зарплата. Уважение всего штата служащих редакции. Постоянные поездки за рубеж. Встречи со знаменитыми писателями. Он представляет, как сидит с ними за одним столом и положив ногу на ногу, ведёт равную беседу. Он видит, как писатели внимательно вслушиваются в его речь и согласно кивают головой, говоря: «Да, Онаил Андрианович! Будет так, как вы скажете!»

Он не думает о том, что за это время, ничего не изменилось, что он всё так же работает в должности корректора, одного из многих, и, скорее всего, уйдёт на пенсию в этой должности.

Он не думает о том, что в редакции к нему относятся с полным равнодушием. Его попросту никто не замечает. Или замечают, когда передают очередную рукопись. Но не больше, чем горшок с растениями или вешалку, которая стоит в комнате много лет. Он об этом не думает. Он мечтает. Он мечтает о должности главного редактора издательства.

Митятюля не замечает, что широко улыбается, как не замечает и грозного взгляда своей жены, высокой, обаятельной женщины с безукоризненно правильными чертами лицами, застывшей на пороге кухни.

– Онаил!

От неожиданно раздавшегося голоса, Митятюля вздрогнул и выронил половник. Раздался звонкий стук. Половник покатился по полу. Уткнувшись в газовую плиту, он остановился. Митятюля посмотрел на половник, а потом поднял взгляд выше.

– Горит,…горит же чёрт…

Митятюля спохватился и бросился к духовке, из которой валил густой дым. Он, беспрестанно суетясь, открыл дверцу духовки. Дым повалил сильнее. Митятюля схватил, какую то тряпку, лежащую на столе и, сунув её в духовку, вытащил блюдо с жарким. Жаркое, обжигаясь, он поставил на кухонный стол и тут же отдёрнул от него руки и начал на них дуть.

Как предполагалось, это должен был быть, запечённый гусь, приготовленный по особому рецепту Митятюли. Он посмотрел на жаркое, вернее на то, что выпеклось из гуся, затем перевёл взгляд на жену. Госпожа Митятюля, лишь укоризненно покачала головой.

– Чего… Ленусь? – Митятюля развёл руками в сторону, – Что не так? Гусь как гусь. Мне кажется, он…неплохо выглядит.

– Гусь? – жена косо на него посмотрела, затем ткнула указательным пальцем правой руки на маленькую, чёрную обугленную массу и с сарказмом добавила: – Может он, и был гусём, но сейчас его даже курицей назвать язык не поворачивается. Приберись, а лучше выкинь своего гуся.

– А что я детям скажу? Я ведь я обещал им на ужин гуся.

Госпожа Митятюля развела руками, словно говоря: «как заварил кашу, так и расхлёбывай». Она, собрала волосы на затылке и одним движением закрепила их. Затем, повернулась, и легко покачивая стройными бёдрами, вышла из кухни.

– Ты всегда бросаешь меня, когда возникают проблемы! – закричал ей вслед Митятюля. Его охватило раздражение, но оно сразу же прошло, когда он увидел как жена возвращается обратно.

– Я так и знал, что ты передумаешь, – Митятюля торжествует. Он надеется, что она подойдёт и обнимет его. Он уже протягивает руки ей навстречу, когда раздаётся гневный голос жены:

– Что это? – она указывает пальцем на почерневший кусок материи, с помощью которого Митятюля вытаскивал гуся.

– Как что? Разве не видно, что? – слегка издевательски поинтересовался Митятюля. На губах у него заиграла насмешливая улыбка, но она мгновенно испарилась, как только раздался рассерженный голос жены:

– Это моя скатерть! Моя любимая скатерть!

– Правда? А я и не знал! Я тебе другую куплю…

– Не надо мне другой, – гневно закричала на него жена, – всё, с меня хватит твоих кулинарных опытов. Чтобы духу твоего на кухне не было, понятно? Я не шучу Онаил. Не смей больше заходить сюда.

– А где я буду, есть? – осторожно поинтересовался Митятюля. Он видел, в каком состоянии находится жена, и поэтому не хотел затевать с ней ссору.

– Там где и всегда. В столовой!

– Конечно. Как скажешь милая! – настороженно озираясь на жену, Митятюля засеменил к выходу.

– Фартук сними.

– Конечно, конечно, – Митятюля снял фартук и протянул жене. Та, с угрожающим видом, вырвала у него фартук из рук.

– И гуся своего никчемного забери! – потребовала госпожа Митятюля.

– Прости милая, я знаю, что это твоя любимая, но… – Митятюля, опасливо поглядывая на жену, завернул гуся в злополучную скатерть и, сунув под мышку, поспешно покинул кухню.

Митятюля, вышел в маленький холл, а оттуда прошёл к двери. Он всё время шёл на цыпочках, и постоянно оглядывался назад, всячески стараясь не привлекать к себе внимание жены. Митятюля, осторожно открыл входную дверь и так же осторожно закрыл её за собой. Он сделал шаг, собираясь спуститься по лестнице, но поскользнулся и с грохотом покатился по ступеням. Гусь, завёрнутый в скатерть, вылетел из под мышки.

– Я говорила тебе, что надо убрать снег! – раздался из дома голос. В проёме двери показалось лицо жены. Увидев его сидящим на снегу, возле лестницы, жена коротко засмеялась.

– Вот видишь, к чему приводит твоя самостоятельность? Вместо того чтобы жарить гуся, убрал бы снег с лестницы. В следующий раз, будешь более внимателен к моим просьбам – она скрылась, а вскоре вернулась и кинула ему тёплую куртку, – оденься, не то снова простудишься.

Жена ушла, Митятюля облегчённо выдохнул. Охая и кряхтя, Митятюля поднялся со снега и начал отряхиваться. Очистив, снег от одежды, он поднял куртку, но надевать не стал. Изобразив злорадную гримасу входной двери, он, аккуратно сложил куртку на нижней ступеньке лестницы и уже собирался уходить, когда снова, и с удивлением, услышал голос жены:

– Я сказала, надень, а не положи на лестницу!

Митятюле, ничего не оставалось, как поднять и надеть куртку. Одеваясь, он покосился на входную дверь и пробормотал под нос:

– Через лет десять станет такой же ведьмой, как и её мамаша!

– И не вздумай ругать мою маму! – раздался голос из кухни.

Митятюля, некоторое время растерянно смотрел на закрытую входную дверь, а потом, начал искать взглядом злополучного гуся.

Небольшой двор был полностью завален снегом. Свободной оставалось лишь узкая дорожка, ведущая к наружной калитке. Митятюля прошёлся по дорожке, но так и не нашёл того, что искал. Он снова вернулся к лестнице и огляделся. Гуся нигде не было видно.

– Улетел он что ли? – растерянно пробормотал Митятюля.

Он обошёл дом и сразу увидел злополучного гуся. Позади дома, были сооружены два снеговика. На голове одного из них и торчал обугленный гусь. Пятнадцатилетний сын Митятюли, стоял на расстоянии нескольких шагов от снеговиков и бросал в них снежки. По всей видимости, гусь составлял главную цель мальчика. Однако, как он ни старался, так и не мог в него попасть.

Мальчик являл собой точную копию отца. Маленького роста с невыразительными чертами лица. Лоб у мальчика нахмурен. Губы плотно сжаты. А под глазом красуется здоровенный синяк. Митятюля, несколько минут наблюдал за действиями сына, а потом окликнул:

– Чего тебе? – огрызнулся сын.

Не обращая на отца, ни малейшего внимания, он продолжал бросать снежки в снеговиков.

– Приам!

– Я тебе сколько раз говорил, не называй меня этим дурацким именем, – закричал сын, – никогда не называй, – он со злостью запустил снежок в гуся. И снова промахнулся.

– Не понимаю, чем тебе не нравится имя «Приам»? – словно оправдываясь, спросил Митятюля, – это ведь имя царя Трои. Царское имя.

– Царское имя? Да это имя полный отстой. Ребята надо мной всё время потешаются… «Пана» называют. Зачем ты вообще назвал меня этим именем? Назвал бы лучше «Мишкой» как деда.

Митятюля огорчился.

– Я хотел как лучше, – с раскаянием ответил Митятюля, – прости сынок. Я и не думал, что тебе придётся страдать из – за имени.

Сын остановился и бросил на отца неприязненный взгляд.

– Шёл бы ты отец…отсюда. От тебя дома тошно, деваться некуда, а ты ещё сюда припёрся.

– Конечно, конечно, – заторопился Митятюля, – я сейчас уйду. Я не хотел тебе мешать. Я за гусём пришёл.

– Гуся не дам! – отрезал сын. – Он у меня вместо головы Андрея Голованова. Собью, поставлю вместо головы Петра Слободкина. Они, у меня…получат.

– Так эти снеговики, вместо твоих одноклассников?

– Пап, какие одноклассники? Они, на два года старше меня. В одиннадцатом учатся, вместе с сестрой. Ты даже этого не знаешь. Ты ничего не знаешь! – закричал сын.

Он снова бросил на отца неприязненный взгляд, а через мгновение повернулся к нему спиной и продолжил кидать снежки.

– Прости сынок! – в который раз повторил Митятюля и осторожно спросил. – Приам, там надо лестницу почистить. Их засыпало. Восемь ступенек. Делим попал. Половину ты, половину я. Что скажешь?

– Не видишь, я занят! – огрызнулся сын.

– Конечно, прости меня!

Митятюлю расстроил разговор с сыном. Он повернулся и пошёл обратно. Митятюля зашёл в полуразрушенный сарай и вытащил лопату.

Следующий час, Митятюля усердно очищал ступеньки лестницы от снега. Закончив с лестницей, он остановился и вытер струившийся пот. Домой идти не хотелось. Подумав, он решил убрать снег во дворе. В следующие два часа, он значительно расширил проход, ведущий

от калитки к дому. Высота снежных сугробов росла по мере того как расширялась дорожка. Когда он закончил убирать снег, едва смог выпрямиться. Спина нестерпимо болела. Он огляделся и невольно удивился. Вокруг стало совсем темно. Поглощённый работой, он ничего и не заметил.

– Онаил! – раздался из дома голос жены, – иди ужинать.

Митятюля положил лопату обратно и направился в дом. Он долго отряхивал снег с одежды, потом повесил куртку в прихожей и направился в сторону ванной. Дверь ванной была заперта. Митятюля постучал. Оттуда раздался раздражённый голос дочери:

– Оставьте меня в покое! Достали уже.

Митятюля беспомощно посмотрел на жену.

– Ничего страшного, умоешься на кухне. Пойдём!

Митятюля последовал за женой. Сын уже сидел за столом и уплетал вовсю. Умывшись, он сел за стол и начал ужинать. Чуть позже и жена присоединилась к ужину. А вскоре после этого, в кухне появилась и дочь.

Дочь внешне напоминала на мать. Высокая и стройная, с обаятельными чертами лица, которые портили вызывающий макияж и необычная причёска. Марии исполнилось семнадцать лет. Она училась последний год и считала себя совершенно самостоятельным человеком.

Мария, молча села за стол и придвинула к себе тарелку.

Митятюля с откровенным ужасом смотрел на её волосы. Волосы стали ярко зелёного цвета и торчали как перья у индейцев. А между «перьями» пролегали оранжевые косички.

– Мария – Антуанетта…дочка, что ты сделала с собой?

– Не нравится? А у меня ещё кое-что есть.

Мария встала и слегка приподняла топик, открывая живот. Прямо над пупком была выгравирована татуировка, в виде розы с шипами.

– Нравится папа?

– Ну, нельзя же так себя уродовать? – возмутился Митятюля, – потом, сейчас зима, а ты ходишь с открытым животом.

– Что ты понимаешь в стиле…в натуре Митятюля! – эти слова дочь произнесла с изрядной долей презрения. Она села на место и с угрозой добавила, – и больше не называй меня этим идиотским именем. Сколько раз тебе повторять? Я, Машка, и всё. И кстати, свои замечания можешь оставить при себе. Они, меня нисколько не интересуют и наоборот, очень даже раздражают. Понятно тебе?

– Да,…да, – Митятюля покорно закивал головой.

После отповеди дочери, Митятюля замкнулся и перестал говорить. Он даже не вмешался, когда дети затеяли перепалку за столом. Это была обычная перепелка, одна из сотен похожих друг на друга как две капли воды. Он уже и не смотрел на детей. И обедал молча. Вскоре, оба, куда-то ушли. Он даже не стал спрашивать куда. А зачем? Они, всё равно бы не ответили. Возникло молчание, которое нарушила жена.

– Завтра на ужин придут родители. Надо купить курицу и ещё кое-что из продуктов. Я тебе напишу список.

Митятюля помог жене убрать со стола. Она отправилась спать, а он остался мыть посуду. Митятюля всё начисто вымыл, а потом налил себе стакан чая и снова сел за стол.

– Надо бы купить детям подарки, – пробормотал он, затевая разговор с собой, – скоро рождество, новый год. У меня есть одежда,…хватит пока. Да и зачем она мне нужна? На работу есть в чём ходить. А может, лучше с ними пойти, а то опять обидятся, как в прошлом году. Я хотел сделать как лучше, а в итоге испортил всем новый год. Почему у меня всегда получается, не так как надо? – Митятюля тяжело вздохнул и продолжил невесёлый монолог. – Я ведь люблю их. И жену и детей. Конечно, что значит сейчас любовь? Я не могу дать моей семье тот достаток, которые они, заслуживают. Я мало зарабатываю. Денег не хватает, – он снова

вздохнул. – А может устроиться на вторую работу? Но никому об этом не говорить? Вот будет для них сюрприз, когда я деньги принесу! – Митятюля счастливо улыбнулся. Он так и сделает. Он обязательно это сделает. Он будет работать с утра до ночи, лишь бы семья была счастлива.

Глава 2

Наступило воскресенье, день, которого Митятюля боялся и ненавидел. И всё из – за тёщи. Все эти годы, она не оставляла его в покое. Она постоянно издевалась над ним и уговаривала дочь подать на развод. Хорошо хоть Леночка не слушала мать, иначе семья давно бы разрушилась. На сей раз, Митятюля решил вести себя по возможности, с предупредительной вежливостью и не разговаривать, чтобы, не давать повода тёще для очередной ссоры.

С утра он отправился за покупками. Купив всё необходимое, Митятюля вернулся домой и заперся в своей спальне. До самого ужина, он репетировал все слова и выражения, с которыми он будет их произносить. Он лежал на постели, и, уставившись в потолок, размышлял об ужине. Митятюля и не заметил, как заснул. Когда он проснулся, часы показывали пять минут девятого. Митятюля схватился за голову. Он проспал. Ужин начался пять минут назад. Он мигом привёл себя в порядок и чуть ли бегом отправился в столовую.

Стол уже успели накрыть. Присутствовали все. Жена, дети, тесть-дородный мужчина с пузом и откровенно самодовольным взглядом. И тёща, невысокая, полная женщина с накрашенными, рыжими волосами, тонкими, как паутинка бровями, слегка толстоватыми губами, пронзительным взглядом и большой бородавкой у правой ноздри. Митятюля поздоровался. Стараясь держаться как можно незаметней, он скользнул на свободное место, рядом с женой.

– Ишь, князь…дожидаться его должны тут все, – ворчливый голос принадлежал тёще.

– Простите Анастасия Фёдоровна! – виновато ответил Митятюля, не поднимая глаз от тарелки, на которую жена накладывала ужин.

– Я-то прощу, а что жена? Дети? Вот они, тебя дармоеда никогда не простят.

– Мама! – Елена Митятюля с укором посмотрела на неё, – не начинай снова.

– Почему это? – мгновенно взбеленилась Анастасия Фёдоровна, – почему я не могу сказать правду? Пусть слушает! – она ткнула пальцем в сторону Митятюли, – нечего его защищать.

– А кого я должна защищать, если не моего мужа?

– Мужа? – Анастасия Фёдоровна бросила презрительно уничижающий взгляд на Митятюлю. – Да какой он тебе муж? Ты посмотри на него, сними пелену с глаз то. Посмотри, – она ткнула в него рукой, – маленький, уродливый, работает за семь тысяч рублей в месяц. Семья почти голодает. Жена, раз в год ходит в салон красоты. Дети, театр в глаза не видели. В цирк, один раз за пятнадцать лет ходили. 25 лет в одной должности сидит. Это ведь какой тряпкой надо быть? На работе, все об него ноги вытирают. Дома тоже. Все его ненавидят. Одна ты любишь. А какие женихи у тебя были? Красавцы. Деловые. Вон, Смолин к тебе сколько сватался. Отказала ему, а он мебельную фабрику отгрохал. Как сыр в масле катается. Жена в шубе за сто тысяч долларов ходит. У детей свой водитель. А ты ему, это ничтожество предпочла. Не понимаю до сих пор, что ты в нём нашла? В нём же, ничего от мужика нет. А я ведь тебе говорила, что так и будет. Говорила, когда он свататься пришёл. Как фамилию услышала, так и сказала: «не может у нормального мужика такая фамилия быть». Не может.

– Ладно, мать, – тесть Митятюли, попытался её утихомирить, но не тут-то было, она сразу набросилась на него и начала ругать.

Митятюля облегчённо вздохнул. Он украдкой посмотрел на тёщу. Она всецело была поглощена своим мужем. Митятюля, бросил взгляд на детей. И дочь и сын, посмеивались, слушая бабушку. Он перевёл взгляд на жену. Жена выглядела расстроенной. Она, бесцельно ковыряла вилкой в тарелке и ни на кого не смотрела. Митятюля понимал, что жена расстроилась из – за него. Но что он может поделать с тёщей? Тёща никогда и никого не слушала. Единственное, что ему оставалось – это молча слушать оскорбления, которыми она его осыпала в каждое своё

посещение. Вскоре, тёща оставила мужа в покое и снова переключила внимание на Митятюлю. Жена, не дослушав очередной выпад в адрес Митятюли…встала из – за стола и ушла.

– Не любит она меня больше, – расстроено думал Митятюля, в то время как тёща поносила его всеми возможными словами. – Опять бросила и ушла. Вот всегда так. Когда мне тяжело, она уходит.

Митятюля едва дождался конца ужина. Дети постоянно втихомолку смеялись, слушая оскорбления в адрес отца. Это продолжалось до тех пор, пока родители жены не покинули дом. Дети отправились спать в свою комнату. У них была одна общая комната на двоих. Митятюля пожелал им спокойной ночи, но в ответ услышал лишь издевательские слова тёщи, которые дети постоянно смеясь, повторяли.

«Ну и ладно, – подумал Митятюля, – я и не обижаюсь. Пусть говорят всё, что захотят». Он убрал всё со стола, затем вымыл посуду и отправился спать. Жена лежала в постели, но не спала. Глаза были покрасневшие. По всей видимости, она плакала. Митятюля разделся и лёг рядом с ней. Не успел он устроиться в постели, как услышал прерывающийся от сдерживаемого гнева, голос жены:

– Уйди Онаил!

Ни слова не говоря, Митятюля встал с кровати. Прихватив подушку и одеяло, он направился к двери. Возле двери его нагнал голос жены:

– Мы больше никогда не будем спать вместе!

Митятюля бросил на жену грустный взгляд и, кивнув головой, без единой жалобы или упрёка покинул спальню. Он отправился на кухню. Там, он постелил одеяло на пол и, положив подушку, лёг. Сон не шёл к Митятюле. Его охватило невыразимая тоска. Появилось чувство полного одиночества. Он полежал некоторое время, а потом собрал подушку и направился, обратно, в спальню. Жена уже заснула. Митятюля осторожно положил подушку и одеяло обратно на кровать. Затем подошёл к шкафу и, взяв свою одежду, снова вышел. Он снова прошёл на кухню и посмотрел на часы. Они, показывали четверть третьего. Он оделся, прошёл в прихожую, взял пальто, шапку, шарф и бесшумно вышел из дома. Уже на лестнице, он накинул на шею шарф и надел пальто. Застегнув все пуговицы на изрядно поношенном пальто, Митятюля сел на ступеньку и грустно завздыхал. Оставалось несколько часов до начала работы.

Задрав голову кверху, он следил за падающими снежинками. Изо рта вырываются струи пара. Митятюля опустил голову и начал осматривать шапку, которую держал в руках.

«Вот ты и остался один Онаил! Никто тебя не любит. – Сорвался с его уст грустный шёпот. – Что тут сидеть и горевать? Пойду ка лучше на работу. Пройдусь пешком…»

Митятюля нахлобучил на голову шапку и, поднявшись, вышел на улицу.

На работе царила обычная суматоха. Митятюлю клонило ко сну. Он заснул, сидя на стуле, когда ему сунули рукопись в руку и коротко сказали:

– Главный редактор ждёт!

Митятюля проснулся. Взяв рукопись, он спешно направился к главному редактору. Коридор, как всегда был полон начинающими писателями. Все они, дожидались очереди в кабинет к главному редактору. Отдельно, ото всех, сидела молодая девушка в потрёпанном пальто. Она комкала в руках рукопись и с грустью поглядывала в сторону кабинета главного редактора издательства. Митятюля видел эту девушку много раз. Она приходила в издательство каждый день подряд в течение последних шести месяцев, но её так и не приняли. Посочувствовав ей, Митятюля вошёл к главному редактору и, положив рукопись на стол, молча вышел. Проходя мимо девушки, он снова посмотрел на неё. В это мгновение и она посмотрела на него. В её взгляде мелькнула надежда. Разгадав значение этого взгляда, Митятюля остановился и обратился к ней.

– Поверьте, если б я мог помочь вам, то непременно сделал бы это,…вы пишите просто великолепно. Я оторваться не мог, когда читал вашу рукопись. Но главный редактор отказался издавать книгу. Я маленький человек здесь, иначе…

– Спасибо! – тихо ответила девушка.

– За что? Я ведь не помог вам…

– Вы хотели помочь, а это много значит для меня, – девушка снова посмотрела на него и с грустью добавила, – наверное это глупо…всё. Ну, какая из меня писательница?

Митятюля дотронулся до её руки.

– Не падайте духом! Это самое главное! И всегда помните, что вы можете стать настоящей писательницей. Можете и обязательно станете. Рано или поздно ваши книги издадут.

Девушка равнодушно кивнула. Постояв с минуту, Митятюля отправился обратно, в помещение, где размещались корректоры. По пути он думал о словах, которые сказал девушке. «Не падайте духом». А ведь они, как никакие другие, подходят в его положении. Он не должен падать духом. Он должен как то исправить свою жизнь, попытаться заслужить уважение детей, вернуть любовь жены. Но как? «Вторая работа», – вспомнил Митятюля и в тот же миг, со всех ног бросился вон из здания.

Купив газету с объявлениями о работе, Митятюля вернулся на своё рабочее место. Отложив свою нудную работу, он начал анализировать рынок рабочих мест. После короткого анализа, он осознал, что в его положении, можно быстро и много, заработать на строительстве. Не откладывая дела в долгий ящик, он начал названивать по выбранным объявлениям. Митятюле сразу повезло. Он нашёл работу в вечерние часы на одной из строек Москвы. Записав адрес и договорившись, встретится с работодателем через два часа, он отпросился с работы. Спустя несколько минут, он отправился по указанному адресу, куда-то на окраину Москвы.

Митятюле удалось найти это место, после долгих поисков. Охранник записал его фамилию и сразу же пропустил на огороженную забором, территорию стройки. Митятюля, со страхом смотрел на каркас многоэтажного здания, которое возвышалось перед ним как некое железное чудовище. На открытых этажах работали сварщики. Огненные искры, то и дело сыпались вниз. На снегу валялись десятки бетонных плит. Высотный, башенный кран, подавал эти плиты, наверх. Митятюля подошёл к рабочему, который сколачивал деревянные щиты и спросил, где здание администрации.

– Прямо и налево. Вон, зелёный вагончик! – рабочий указал на видневшийся невдалеке вагончик, небольшой кувалдой, которую держал в руках. Поблагодарив его, Митятюля направился к дорожке, что была протоптана в снегу, в непосредственной близости от строящегося здания. Едва он ступил на эту тропинку, как сверху прозвучал предостерегающий крик:

– Берегись!

Митятюля остановился и задрал голову кверху. Он только успел увидеть очертания…кирпича. Кирпич, со всей силой, стукнул его по голове и раскололся на мелкие кусочки. Митятюля зашатался, а в следующее мгновение рухнул на снег. Падая, он сильно ударился головой, об край бетонной плиты. Его падение увидел рабочий, который сбивал щиты.

– Человеку срочно нужна помощь! – закричал рабочий и, не выпуская из рук кувалду, бросился к лежавшему без движения, Митятюле. Сделав несколько шагов, рабочий споткнулся и растянулся на снегу. Кувалда вылетела у него из рук. Рабочий поднял голову, прослеживая полёт кувалды. Сделав несколько оборотов, она стукнулась об голову лежащего Митятюли, а потом подпрыгнула наверх и снова опустилась ему на голову.

Раздался обеспокоенный голос прибежавшего охранника:

– Кому нужна помощь?

Рабочий оглянулся на охранника и пробормотал под нос:

– Уже,…никому.

Глава 3

– Вот видите изменения в правой височной части? А вот изменения в левой височной части…а вот в центральной…

На стене висят десятки рентгеновских фотографий. Они, с разных сторон отображают человеческий мозг. Возле фотографий, стоит врач и показывая на них указательным пальцем, постоянно передвигается от одной…к другой. Рядом с врачом стоят Елена Митятюля и её мать, Анастасия Фёдоровна. Обе, одна с ужасом, другая с довольным видом, смотрят и слушают врача.

– Вообще то, у вашего мужа, госпожа Митятюля…не совсем нормальный мозг. Он необычно вытянут, что очень странно. Мне такой мозг ещё не попадался ни разу.

– Я же говорила, что он… дебил! – раздался торжествующий голос Анастасии Фёдоровной.

– Мама, только не надо здесь! – Елена Митятюля обернулась к врачу и с глубоким беспокойством в голосе, спросила:

– Доктор, он выздоровеет?

– Трудно сказать, – врач пожал плечами, – повреждения очень сильные. Возможно, он сможет говорить, но маловероятно, что у него не будет отклонений. После таких повреждений, начинаются постоянные галлюцинации. Люди перестают обращать внимание на повседневную жизнь и создают себе вымышленный мир. Где и живут по большому счёту. Очень сложный случай у вашего мужа госпожа Митятюля. Очень сложный. Не хотелось бы вас обнадёживать. Я думаю, скорее всего, ваш муж не поправится никогда. Хотя конечно, мы приложим все усилия для того, чтобы ему помочь. Но это маловероятно. Прошу понять меня госпожа Митятюля.

– А что произошло с моим мужем? – спросила донельзя расстроенная услышанным, Елена Митятюля.

– Кирпич упал на голову с одиннадцатого этажа. Падая, ваш муж ударился головой об край железобетонной плиты. А в конце, ещё и кувалдой по голове ударили. Она случайно вылетела из рук рабочего, – подробно ответил врач.

Анастасия Фёдоровна удивлённо захлопала наклеенными ресницами и пробормотала.

– Как только в живых остался,…сволочь!

Дочь не услышала слова матери. Она последовала вслед за доктором. Мать, чуть помедлив и бросая довольные взгляды на рентгеновские снимки, поспешила вслед за дочерью. Все, втроём, гуськом вошли в палату реанимационного отделения, где лежал Митятюля. Жена, едва удержала слёзы, когда увидела его, лежащим без движения. Голова Митятюли, была полностью забинтована. Открытым оставались только глаза и рот. Он лежал в палате один. Рядом с кроватью, где он лежал, стоял стол. На нём были установлены несколько приборов, которые фиксировали работу основных жизненных органов. С другой стороны, стояли капельницы. Жидкость с перевёрнутых склянок, стекала по тоненьким трубочкам к изгибам локтей. Прямо за капельницами, стоял ещё один стол. На нём стоял кувшин с цветами. За цветами находилось окно.

Елена Митятюля села на постель, рядом со своим мужем и взяла его руку. Она долго смотрела на закрытые глаза мужа, а потом негромко, не оборачиваясь, спросила, обращаясь к доктору:

– Долго он пробудет в таком состоянии?

Врач не успел ответить, так как в это время раздался голос,…самого Митятюли.

– Ленусь…

Она вздрогнула и устремила полный взгляд надежды на закрытые глаза мужа. Из – за плеч врача показалась настороженное лицо Анастасии Фёдоровны. Она, с явной опаской посмотрела в сторону своего зятя.

– Ленусь… – Митятюля медленно открыл глаза и попытался улыбнуться своей жене. Жена наклонилась к нему и ласково погладила рукой по щеке.

– Ты узнаёшь меня Онаил? – негромко спросила она.

– Что за вопрос Ленусь? Конечно, узнаю… – послышался хриплый ответ Митятюли. Он вновь попытался улыбнуться, в то время, как жена бросила радостный взгляд в сторону доктора.

– Он здоров, здоров полностью!

Врач наклонился и осмотрел зрачки Митятюли. Видимо оставшись чем – то недовольным, врач взял голову Митятюли и повернул её до отказа влево. Держа её в таком положении, врач спросил:

– Вы видите вазу с цветами Онаил?

– На которой мальчик сидит?

Услышав ответ Митятюли, все трое опешили. Врач, бросив многозначительный взгляд в сторону Елены Митятюли и Анастасии Фёдоровны, снова наклонился над Митятюлей. Не отпуская голову, он спросил вкрадчивым голосом.

– Вы видите мальчика, который сидит на вазе с цветами?

– Что ещё за вопрос? – раздался раздражённый голос Митятюли, – конечно вижу. Иначе, зачем бы я говорил?

– Значит мальчика? Не отворачивайте головы Онаил! – врач отпустил голову и, не спуская глаз с него, отошёл к столу, на котором, стояла ваза, и как утверждал больной, сидел какой то мальчик.

– Где он сидит?

– Да что с вами доктор? – снова раздался раздражённый голос Митятюли, – на вазе сидит с цветами. Я же два раза повторял.

Врач снова кинул многозначительный взгляд в сторону женщин, которые никак не могли прийти в себя от слов Митятюли, а потом задал новый вопрос.

– И что за мальчик?

– Зачем вы спрашиваете?

– Видите ли, Онаил, вы получили серьёзную травму головы и нам необходимо убедиться в том, что вы абсолютно здоровы.

– А, – протянул Онаил. Видимо объяснения врача его полностью удовлетворило, – спрашивайте доктор.

– Как выглядит этот мальчик. Сколько ему лет?

– Лет десять,…может двенадцать. Маленький такой, худой.

– Во что он одет?

– В белую рубашку! – последовал ответ.

– Очень интересно. Очень, – врач приходил понемногу в возбуждённое состояние, – а вы не могли бы сказать Онаил,…что делает этот мальчик.

– Рожи мне строил, – начал отвечать было Онаил, но тут же издал смешок и добавил, – а теперь вам язык показывает.

– Мне язык показывает? Очень хорошо! Скажите, вы можете поговорить с ним? Узнать кто он?

Из губ Онаила вырвался недовольный вздох. Больше всего, ему неудобно было держать голову в таком положении. Вздохнув ещё раз, он громко спросил, обращаясь в сторону вазы с цветами.

– Ты кто?

– Он говорит с вами? – поспешно перебил его доктор.

– Да говорит!

– И что он сказал вам?

– Говорит, что он,… ангел!

Вслед за этими словами, сразу же раздался голос Анастасии Фёдоровной.

– Конкретно двинулся…

– Мама… – Елена Митятюля с глубоким беспокойством посмотрела на мужа и крепко сжала его руку.

– Ангел…говорите, – почему то довольным голосом переспросил доктор и тут же задал новый вопрос: – а вы бы не могли Онаил, спросить,…как зовут этого ангела?

– Сколько это будет продолжаться? – Митятюля обращался к вазе с цветами. – Как тебя зовут?

– Ну что? – доктор вопросительно и нетерпеливо посмотрел на Онаила. Тот повернул голову в обычное положение и коротко ответил:

– Ваня!

– Ваня? – доктор опешил, – ангела зовут,…Ваня? А почему его так…странно зовут?

– Да я откуда знаю? – Митятюля начал злиться, – сами у него и спросите, почему он себя ангелом считает? Да и ещё с таким именем?

– Так вы думаете, что он вас обманывает? – у доктора удивлённо приподнялись брови.

– Конечно, – последовал ответ Митятюли, – ангелов не бывает. Это сказки для маленьких детей.

– Вот как? Ну если я скажу вам,…что мы не видим этого самого…мальчика?

– Вы шутите? – сквозь бинты показались вытаращенные глаза Митятюли.

– Спросите у своей жены?

– Ленусь? – Митятюле не удалось повернуть голову в её сторону.

– Да, Онаил. Доктор правду говорит. Мы не видим мальчика. Ты болен Онаил. Но не беспокойся, мы обязательно вылечим тебя, – жена не переставала поглаживать его руку, пытаясь успокоить разволновавшего Митятюли.

Митятюля закрыл глаза и прошептал:

– Может я умер и уже в раю? Раз ангел, значит в раю. И моя жена рядом. И доктор,…может он тоже ангел. А что,…может здесь гораздо лучше и стоит остаться навсегда… – Митятюля открыл глаза и в ужасе закричал. Над ним нависло лицо тёщи.

– И она здесь? – Митятюля повернул голову в сторону вазы и заговорил скороговоркой. – Если ты и вправду ангел, я выражаю решительный протест против этой несправедливости. Я не буду находиться с ней рядом. Отправьте меня в другое место. В ад? – переспросил, у кого-то Митятюля и тут же быстро ответил. – В ад, так в ад. Я согласен. И пожалуйста, поскорей. А то, вдруг не получится?

У тёщи лицо стало зелёного цвета. Она со страхом посмотрела на дочь и приложив палец к виску, покрутила им.

– Окончательно сбрендил.

Доктор, несмотря на возражения, вывел обеих женщин за дверь. Он осторожно закрыл за собой дверь и негромко прошептал:

– Надо оставить его одного. Пусть успокоится. А завтра снова придёте. Договорились госпожа Митятюля?

Она, молча, кивнула и собиралась уже уйти, когда услышала голос доктора.

– И возьмите детей, если конечно, они, у вас есть. Их вид, может благоприятно подействовать на вашего мужа.

Разговор на том закончился, и они, уже собирались расходиться, когда расслышали громкий голос Митятюли. Все трое буквально прилипли к двери.

– А почему тебя так странно зовут? Что это за имя? Ваня? Разве ангелов так называют? Так это не настоящее имя? Ты сам его придумал? А как настоящее? Как, как? Даже не вздумай повторять. Это нужно записать на диктофон и учить как иностранный язык. Оставим лучше

Ваня? Это по-нашему. А родители у тебя есть? Есть? Как же они отпустили тебя одного,…так далеко? Дедушка тебя выгнал? Злой он видно у тебя. И кто твой дед? Кто? – на мгновение воцарилось молчание, потом послышался изумлённый голос Митятюли. – Бог? Врешь, наверное. У него один сын был. А у того детей не было. Это я точно знаю,…неужели и, правда, столько сыновей было?

Анастасия Фёдоровна наклонилась к уху дочери и зашептала:

– Леночка,…его домой пускать нельзя!

Глава 4

Митятюля и не знал, сколько времени провёл в забытьи. Он и дальше бы не просыпался, но возникла острая боль в голове. Прежде чем открыть глаза, он схватился за голову, пытаясь унять боль. Его руки,…соприкоснулись с другими руками. Он,…внезапно осознал, что кто – то сидит на кровати и стучит рукой по его голове. Осознав это, Митятюля распахнул глаза и тут же сморщился, словно от зубной боли. Рядом с ним, на кровати,…сидел,…мальчик лет десяти. Из одежды, на нём была только одна рубашка с короткими рукавами. Полы рубашки доставали до колен мальчика. Мальчик был обут в плетённые, золотистые сандалии, которыми размахивал взад вперёд. Мальчик был маленького роста с забавными, крошечными ушами, которые всё время шевелились. Нос был немного вздёрнут. Глаза мальчика были светло голубого, небесного цвета. Они, постоянно щурились, лучились и смеялись. Мальчик был коротко острижен. Короткая стрижка ещё больше подчёркивала маленькие уши.

– Опять ты?

– А ты тёщу ждал? – раздался заливистый смех.

– Так вы её сюда привели? – Митятюля, мгновенно принял сидячее положение и начал испуганно озираться по сторонам.

– Она ещё жива Митятюля. И ты тоже!

– Выходит, ты не ангел?

Мальчик тяжело вздохнул, и укоризненно качая головой, ответил.

– Я ангел! А ты жив Митятюля! Ты не на небе. Это я спустился на землю. Сколько раз тебе повторять одно, и тоже!

– Так не бывает, – возразил Митятюля, не спуская взгляда с мальчика, – ангелы не приходят на землю. Они, не разговаривают с людьми. Это я точно знаю.

– Ну а кто по твоему, тебе кирпич на голову сбросил?

– Так это был ты?

– Я конечно. Я ещё чуть подтолкнул тебя, когда ты падал. Ну, чтобы ты головой, куда надо стукнулся. А потом, ещё и одному человеку подножку подставил. Он кувалду из рук выпустил,…прямо тебе по башке. Здорово получилось. Обожаю такие штучки, – мальчик, щуря глаза, весело засмеялся.

Митятюля угрюмо смотрел на его веселье. Он вначале молчал, а потом не выдержал.

– Ты не ангел! Ангелы,…так плохо не поступают. Они,…добрые…

– Добрые? – мальчик показал язык Онаилу, – а ты думаешь, за что меня дедушка выгнал? Ладно, поговорили, и хватит. Вставай Онаил. Делами надо заниматься.

– Какими ещё делами? – возмутился Митятюля, – ты, что не видишь, я болен.

– Ты не болен! – выговорив эти слова, мальчик взялся за бинты и начал быстро их развязывать.

– Ты что делаешь? – Митятюля начал было сопротивляться, но услышал предостерегающий голос мальчика.

– Перестань сопротивляться, иначе я не смогу тебе помочь!

– А, – протянул Митятюля. Он был приятно удивлён словами мальчика. Он перестал сопротивляться, предоставляя мальчику делать всё, что он посчитает нужным.

Мальчик, быстро размотал бинты, затем отсоединил капельницу, потом все приборы. Проделав всё это, он подошёл к Митятюле и протянул розовую пилюлю.

– Что это?

– Выпей и все боли пройдут…сразу.

Митятюля проглотил пилюлю. Он сразу почувствовал облегчение. Голова перестала болеть. Всё тело начало, наполняться каким-то очень странным, но приятным ощущёнием. Он почувствовал необычную лёгкость и с благодарностью посмотрел на мальчика.

– Это волшебная пилюля?

– Ещё чего? – последовал ответ. – Я её в аптеке взял. Даже не знаю, что это такое.

– Как не знаешь? – Митятюля сразу почувствовал себе плохо. – Может это убьёт меня? Ты об этом подумал?

– Подумал! – мальчик с очень серьёзным видом кивнул, и тут же не выдержав, снова весело рассмеялся. – Не бойся Онаил, ты будешь жить. Ты мне нужен.

– А для чего я тебе нужен?

– Потом, – мальчик махнул рукой в сторону двери и добавил, – там твоя жена идёт,… с тёщей.

– Опять она! – Митятюля оглянулся по сторонам, пытаясь найти место, где бы можно было спрятаться.

– И этот придурок доктор,…тоже идёт. А вот дети не пришли. У них, сегодня в школе собрание,…это они, так твоей жене сказали, а на самом деле пошли на тусовку. Говорят, классная тусовка будет. Может, и я схожу. Люблю такие дела! – Мальчик подмигнул Митятюле. – Кстати, там твоя жена несёт пирожки. Пахнут,…здорово. Ты пять штук можешь съесть, не больше. Две мне оставь. Я обожаю, пирожки с яйцом, – мальчик потянул носом, а потом улёгся рядом с Митятюлей и, подложив руку за голову начал, что – то насвистывать. Митятюля невольно отодвинулся от него.

– Дай – ка сюда! – мальчик забрал у Митятюли одеяло и накрыл себя.

– Я же в трусах, – возмутился, было Митятюли, но мальчик приложил палец к губам. В этот момент дверь открылась, и в палату вошли вчерашние посетители Митятюли. Врач, жена и тёща. Едва они оказались в палате, как раздался донельзя довольный голос тёщи:

– Я тебе говорила Леночка, ведь говорила? Посмотри на него,… сидит в одних трусах. Одеяло накрыл рядом с собой. Смотрит так, словно ни разу в жизни нас не видел. Конченый человек. Надо его в дурдом сдать. Самое подходящее место для него.

– Заткнись стерва!

Все трое изумленно уставились на Митятюлю. Тот аж позеленел от страха. Митятюля начал отрицательно качать головой и показывать вправо, на одеяло.

– Это не я сказал. Правда,…не я. Это,…Ваня. Он нарочно делает. Это он мне кирпич на голову сбросил…а потом кувалдой…

– Почему вы сняли бинты? Да ещё и приборы отключили? – доктор на сей раз решил сохранить дистанцию, между собой и больным.

– Это не я…

– Ваня?

– Да!

– Понятно!

Доктор наклонился и зашептал на ухо обеим женщинам, которые настороженно оглядывались на Митятюлю.

– Помните мой диагноз? Галлюцинации,…создание виртуального мира?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.